

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Сокол и Ворон

Совиная башня

Птицы Великого леса

Ульяна Черкасова

СОВИНАЯ БАШНЯ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Иллюстрация на обложке *Елены Арденской*
Разработка серийного оформления *Юлии Девятовой*
Иллюстрация на авантитуле *Нади Совы*

Черкасова, Ульяна.

Ч-48 Золотые земли. Совиная башня / Ульяна Черкасова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 528 с.

ISBN 978-5-04-193192-6

Богиня-пряха сплетает нити судеб в тугой узел.

Одна нить — для лесной ведьмы, отвергающей свою судьбу. В городе без чар Даре так же опасно, как и в Великом лесу, но это единственное место, где она может укрыться от древних богов.

Вторая нить — для чародея, который пытается судьбу обмануть. Милош одержим желанием мести, но ненависть разрушает его самого.

Третья нить — для княжича, который своей судьбы боится.

Потеряв любимую, Вячко пытается найти новую цель в жизни, но, возможно, она всегда была ему известна.

Четвертая нить — для слуги, который судьбе повинуется.

И именно его, Ежи, боги выбрали, чтобы раскрыть тайны, которые таит Совиная башня.

Колесо прялки делает оборот, богиня-пряха крепко держит нити. Любую из них она может легко оборвать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193192-6

© Черкасова У., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Ваш час съдзе навечна.
Змые крывёю пачвар¹.

«Памерлыя Божышча»,
Dzivia

ПРОЛОГ

Великий лес

543 г. от Золотого Рассвета, месяц липень

Запретный лес водил кругами.

Ещё на опушке Катше послышалось, будто издалека Ики позвал её по имени. Она даже не подумала, что Ики остался на Мёртвых болотах и никак не мог оказаться здесь. Чары леса уже обрели над ней власть, и девушка побежала на голое, плутая среди деревьев. Заблудиться в лесу оказалось легко. Катша не привыкла к узким звериным тропам и частоколу деревьев. Когда-то давно она так же боялась болот и не понимала их, но болота приняли Катшу, а Ики научил жить и охотиться.

Запретному лесу не по нраву пришлось чужеземка.

Долго она искала Ики, срывалась с места каждый раз, как эхо доносило его голос, и, наконец, от усталости повалилась на землю. Только тогда разум её прояснился: Катша осознала, что лес морочил ей голову.

Солнце стояло ещё высоко, когда изнеможённая девушка беспокойно заснула, но уже спустя лучину открыла глаза, заслышав странный шум. Пугливо она бросилась в кусты и затаилась. В стороне по узкой звериной тропе прошёл красный конь, верхом на нём сидел всадник весь в красном. Лоб у Кат-

¹ Ваше время уйдёт навеки.
Смоет кровью тварей.

ши покрылся испариной, виски пронзили иглы. Охотница заморгала часто-часто, и всадник пропал из виду.

Чары леса были слишком сильны, она не могла им сопротивляться. Как бы его перехитрить?

Кусты в стороне затряслись, послышалось хриплое хрюканье. Кабаны!

Прячась за деревьями, охотница ушла в сторону. Она слышала, как шумела листва, как ветви ломались, когда кабаны прорывались сквозь чащу. Раз за разом она оборачивалась, но не могла разглядеть стадо.

А звук не затихал.

Весь день Катша уходила от погони, а на закате чуть не попала под копыта чёрного коня. Всадник его — такой же чёрный, как и конь, — даже не взглянул на девушку. Она замерла, лёжа пластом на земле.

Мощные копыта невесомо прошли по лесной тропинке, трава под ними даже не примялась.

В Запретном лесу Катше не было места — так сказал Ики, об этом предупредил Олоко.

Катша и сама знала, что Хозяину она не по душе. Её народ давно поклялся держаться подальше от Запретного леса. Но с тех пор как Катша покинула пещеры Канманд, она мечтала прийти сюда и задать терзавший её вопрос.

Сияющий Хозяин Лесов молчал, наблюдая со стороны, а его слуги игрались, водили девушку кругами.

Три дня. За три дня Катша потеряла и утратила уже всякую надежду выбраться живой из леса, когда наконец вышла на поляну.

Окружённая древними елями, посреди поляны стояла землянка. Она показалась одинокой, покинутой и всеми забытой. В этом доме давно потух очаг, а дух-хранитель погрузился в глубокий сон. Дом был мёртв.

Катша ступала по поляне, прислушиваясь к новым ощущениям: как мох проседал под ногами, как шумели ели над головой, как тёплый ветер ласкал лицо.

Дышалось в Запретном лесу иначе, чем на болотах: сладко дышалось, свободно. Обессиленная Катша рухнула на колени прямо перед входом в землянку, коснулась травы рукой. Мягко.

В стороне мелькнул чёрной лентой уж, скрылся в кустах.

И Катша разрыдалась.

Она не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Когда покинула родных или многим позже, когда умирала от голода на болотах? Духи предков послали к ней Ики, спасли от верной смерти. И духи помогли исполнить клятву, привели в Запретный лес.

Катша плакала тихо, глотая вырывающиеся из груди всхлипы. Она привыкла, что нужно не шуметь и быть осторожной. На болотах эта привычка не раз спасала ей жизнь.

– Он не заговорит с тобой, – раздался голос со стороны и тут же отозвался с другого конца поляны:

– *С тобой... ой...*

Катша вскинула голову, натянула тетиву лука.

– Но он хочет знать, зачем ты здесь?

– *Здесь... эс-с-сь...*

Сколько бы ни смотрела Катша по сторонам, сколько ни вглядывалась в ельник – никого не было видно. А голос кружил вокруг, скакал с одного края поляны на другой.

– Твой народ изгнан. Чего ты хочешь?

– *Хочешь... э-э-ш-ш...*

Катша сглотнула, с трудом проговорила:

– Я хочу просить о прощении. О позволении вернуться.

– И как же вернётся твой народ? Хозяин испепелит вас, если увидит в истинном обличье.

Голос звучал из ниоткуда и отовсюду одновременно. Катша опустила лук, убрала стрелу обратно в колчан. Кем бы ни был лесной дух, он не желал её обидеть. Пока что...

– На наших землях живут чужие люди, мы заберём их кожу.

Лес замолчал. Тихо стало вокруг. В груди у Катши разрастался страх, сжимал ей горло, и она всё ждала, что смерть обрушится с небес – прямо с невыносимо далёких верхушек елей – и накажет Катшу за её дерзость.

– Нет. Это нарушит порядок. Нельзя.

– Но...

Катша вскрикнула в отчаянии, но побоялась возразить. Духи не меняли своих решений.

– Оставайся на ночь, – печальный вздох прокатился по поляне. – На одну ночь. Согрейся. Поспи. На рассвете возвращайся на болота.

— *Уходи-и-и*, — в последний раз разнеслось эхо.

Катша застыла, и сердце ухнуло вниз.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, подожди!

Она звала и звала, умоляла вернуться, выслушать её горе, смилостивиться над стариками и детьми, над юношами и девушками, что жили во тьме, никогда не видя солнца. Но лесные духи уже ушли, не желали они знать о чужой беде.

Когда слёзы все пролились на травяной ковёр, когда охотница не почувствовала ничего, кроме пустоты в душе, день уже склонился к вечеру.

Катша прокралась в старую землянку, как дикий зверь в чужую нору. Внутри ей стало тесно и темно, как если бы она снова оказалась в пещерах Канманд, и она вышла наружу.

Охотница набрала воды в ручье, что протекал недалеко от поляны, напилась, после натаскала валежника и разожгла костёр. Сидя у огня, Катша лениво ела копчёную рыбу с лепёшкой и пила отвар из болотных ягод и трав.

Жужжали громко комары, кусали за щёки и шею. Валежника ненадолго хватило, скоро прогорел огонь. Катше казалось, что она просунула руку в силки и ждала, когда затянется вокруг запястья мёртвый узел. Ей чудились глубокие подземелья, где умирает свет, где краски выгорают из человеческих волос и глаз, и всё становится белым, как снег на верхушках гор.

Вечерний сумрак играл злую шутку со зрением охотницы. Катша смотрела на свою смуглую руку, и ей казалось, что кожа бледнела, истончалась и слезала, подобно змеиной шкуре.

На поляну без всякого страха выскочил заяц. В Запретном лесу было опасно охотиться без позволения Сияющего Хозяина, поэтому Катша поглядела на зверька с сожалением и не притронулась к луку и стрелам. Заяц скоро ускакал прочь.

Дом лесной ведьмы притаился за спиной. Лес вокруг шептал, наблюдая за охотницей. Катша кусала губы, сдерживая горькие слёзы. Отчего духи так добры к пришедшим? Отчего покинули её народ? Чужаки с медовыми волосами украли их земли, украли даже их богов. А люди Катши забыли вкус солнца на коже, скрывшись под каменной глыбой гор.

Она заснула на голой земле, но тёплая оленья шуба не дала замёрзнуть, только комары продолжали назойливо жужжать у самого уха, впиваться в кожу острыми носами.

Катшу разбудил яркий свет. Он вспыхнул посреди ночи высоко в вершинах деревьев и рухнул на землю, разлился по поляне. Точно пламя, он плясал вокруг, танцевал в хороводе, ослеплял. Охотница ожидала, что сторит заживо в этом огне, но он её не тронул.

Из чистого пламени пролился голос:

— Чтобы идти вперёд, ты пойдёшь назад. Чтобы стать владычицей, ты будешь служить владыке в огненной короне. Чтобы вернуть жизнь, ты принесёшь смерть.

Ветер задул яростно, разгоняя морок, и свет вдруг потух, исчез, как будто его и не было.

По-прежнему стояла непроглядная ночь, только звёзды мигали на небосклоне. Катша моргала слепо, привыкая к темноте. Тишина опустилась глубокая, давящая. Но на душе наступил покой.

Как только стало светать, Катша отправилась обратно на восток. Назад, как ей и напорочили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГОНЬ, ЧТО
ПОЖИРАЕТ ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 1

Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви
не знаю...

«Снегурочка», А. Н. Островский

Рдезия, Совин

543 г. от Золотого рассвета, месяц жовтень

Расчувствовавшаяся Горица долго прижимала к себе Ежи и Милоша, целовала их по очереди в макушки, щёки и уши. Милош устало смеялся, обнимая женщину своими длинными руками, а Ежи молча улыбался.

Веся потянула Дару за собой, вдвоём они проскользнули на кухню, но Горица будто бы их даже не заметила.

— Ох, родные мои, — приговаривала она, не отпуская парней из объятий. — Как я по вам истосковалась. Милош, — она чуть отстранилась, всмотрелась ему в лицо и вздохнула, — ты так похудел, кожа да кости. Ежи, ты что же, совсем за ним не смотрел?

— Ма-ам...

— И что это за девку вы с собой притащили? — Горица отпустила парней, уперев руки в бока. — Ещё одна ратиславка. Они всей Ратиславией к нам, что ли, притащатся?

Ежи потёр грязную шею, он мечтал скорее помыться и наестся до отвала, на разговоры сил не осталось, а разговор предстоял тяжёлый.

— Это сестра Веси, Дара.

Кухарка в ужасе ахнула.

— Дара? Которая прокляла нашего Милоша? Да я ей хребет кочергой сломаю...

И Горица кинулась бы на кухню ломать ведьме хребет, если бы Милош не ухватил её и не удержал на месте.

— Горица, милая, — промурлыкал он ласково на ухо. — Ты же понимаешь, что я должен сделать это сам?

Женщина в недоумении обернулась на Милоша.

— То есть?

— Терпение, дорогая матушка, — попросил он. Милош редко называл Горицу матушкой и обычно только когда нужно было её успокоить или переубедить.

Сработала уловка и на этот раз. Горица недобро ухмыльнулась и коснулась ладонью щеки Милоша.

— Я никогда её не прощу, так и знай. Пусть ведьма отплатит сполна.

— Обязательно. Но пока что она нужна Стжежимуру. Кстати, он у себя?

Милош уже собрался кинуться в мастерскую целителя, но Горица остановила его:

— Господина вызвала к себе княжна Венцеслава. Ей часто нездоровится в последнее время.

Милош замер, вытянулся, как тетива, взгляд его стал пустым.

— Приготовь воды, пожалуйста, — Ежи показалось, что голос друга задрожал. — И мою одежду. Нет, одежду я сам, потом. Пока горячей воды, и побольше.

Стремительно он взлетел вверх по лестнице. Хлопнула дверь его спальни.

— Ох, не отдохнуть тебе даже, — вздохнула мать. — Давай я схожу...

— Я сам.

Ежи взял вёдра и ещё раз чмокнул мать в щёку.

— Сынок, — позвала Горица. — Ты лекарство не забывал принимать?

Ежи спохватился и поспешил сначала наверх, где у него хранился запас лекарств от Стжежимура. Сделав пару глотков, он тут же пошёл к колодцу. Усталость валила с ног, но он радовался возможности хотя бы ненадолго остаться в одиночестве.

Скрывать свои мысли и чувства получалось всё хуже. Вся не сводила глаз с Милоша, а он только забавлялся с ней и сам переглядывался с ведьмой, когда думал, что никто не замечал. Он улыбался ей так же, как улыбался всем девушкам, что рано или поздно отдавались ему. Даже в шутку Милош не смотрел так же очаровательно на Весняну.

И всё-таки она отвергла Ежи.

Всё-таки...

Он сердито потянул за верёвку, поднимая ведро из колодца. Ослабшие натруженные руки задрожали, и Ежи расплескал всю воду. Пришлось снова опустить ведро, и бабы, стоявшие в очереди позади него, недовольно заворчали.

— Что ж это за хлопец, который ведро поднять не может? — хихикнула полная женщина за его спиной.

— Так это ж сынок Горицы, кухарки лекаря Стжежимира. Видимо, совсем дурно она готовит, раз у её сына сил нет.

Бабы загоготали от смеха.

Ежи наконец перехватил ведро за ручку, потянул наверх.

— И муж сбежал от её готовки, и сын скоро помрёт с голоду!

Ведро выскользнуло из рук. Вода пролилась прямо под ноги совинским кумушкам.

— Помолчали бы! — лицо Ежи пошло красными пятнами.

— Да ты как с почтенными женщинами разговариваешь, щенок?! — возмутилась пожилая служанка Пшемыслава Толстяка.

— Где ты тут видела почтенных женщин, старая гадюка? — раздался ворчливый голос в стороне.

Ежи вскинул голову, чтобы посмотреть на своего защитника, и тут же согнулся в почтительном поклоне.

— Господин Стжежимир, — проговорил он. — Да озарит Создатель твой путь!

Целитель был явно не в духе. Ежи не сразу понял, что Стжежимир не ждал так скоро их возвращения. Он ведь ничего не знал о том, что случилось в Гняздеце.

— Что стоишь? — нахмурился Стжежимир.

— Милош попросил набрать воды для мытья, — растерялся Ежи.

— Тогда поторопись.

Целитель не стал его ждать и пошёл по улице Королевских мастеров с завидной для его возраста лёгкостью.

Женщины обиженно надулись, глядя вслед старику.

— Ишь какой, — фыркнула одна.

— А всё потому, что бабы хорошей так и не нашёл.

— Так какая баба к нему, скотине злобливой, пойдёт?

Ежи вздохнул и в третий раз опустил ведро в колодец. На этот раз, слава Создателю, у него всё получилось.